

Салон ее светлости Русской литературы.
Реми (Николай Ремизов). 1914 год.
The Salon of Her Highness Russian Literature.
Remi (Nikolai Remizov). 1914.

The Leader:
the greatness of lack
of talent overcome

Вождь: величие преодоленной бездарности

Светлана ПРОХВАТИЛОВА / by Svetlana PROKHVATILOVA

Осенью 1913 года в Москве покончила с собой начинающая поэтесса Надежда Львова. Она выстрелила в сердце из револьвера, который получила от любовника – поэта Валерия Брюсова. «Пришли мне свой револьвер, – написала она ему незадолго до этого. – Все те "возможности" уйти, которые у меня есть, очень мучительны. Я не хочу, чтобы у меня было искаженное, синее лицо. Пусть оно останется спокойным и красивым...» «Мне слишком трудно было отказать ей в ее настойчивой просьбе», – так впоследствии объяснит поэт свой поступок. Вечером Львова позвонила Брюсову: «Если вы сейчас не приедете, я застрелюсь...» Поэт ответил, что ему некогда, – он занят срочной работой. Через несколько минут раздался выстрел...

In the autumn of 1913 the novice poet Nadezhda Lvova took her own life in Moscow. She shot herself through the heart with a revolver that she obtained from her lover – the poet Valery Briusov. “Send me your revolver,” she had written not long before. “All the ‘possibilities’ that I have for departing this world are extremely painful. I don’t want to have a distorted blue face. Let it remain calm and beautiful...” “It was too hard for me to refuse her insistent request,” the poet stated, explaining his acquiescence later. In the evening Lvova telephoned Briusov, saying, “If you don’t come right now, I’ll shoot myself...” The poet replied that he didn’t have the time, that he was busy with urgent work. A few minutes later a shot rang out...

Весной 1893 года девятнадцатилетний гимназист записал в своем дневнике: «Талант, даже гений, дадут только медленный успех... Это мало! Мне мало. Надо найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство... будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!»

И пророчество его сбылось...

У него были все качества, нужные для того, чтобы стать вождем: бешеное честолюбие, всепоглощающая жажда власти, а главное — что редкость на Руси — сверхъестественная, остервенелая сила воли. С маниакальным упорством он стремился сделаться поэтом. Почему именно поэтом? Возможно, потому, что его дед мнил себя баснописцем и любил рассказывать внуку, как однажды ему довелось увидеть Пушкина. Бог весть, как сложилась бы судьба Валерия, если бы у него был не дед баснописцем, а старший брат — террористом...

Первый шаг на пути к цели был рассчитан с математической точностью. Говоря современным языком, Брюсов проявил себя умелым пиар-стратегом. В середине 1890-х годов в московских книжных лавках один за другим появились три поэтических сборника под громким названием — «Русские символисты». Стихи были подписаны разными именами, но автором почти

Кто бы мог подумать, что из такого милого ребенка вырастет человек, не только убежденный в своем демоническом лидерстве, но и сумевший внушить это почти всем. Who could have imagined that this sweet child would grow up into a man not only convinced of his own daemonic leadership, but also able to convince almost everyone else of it.

Он начал читать трехлетним, с 11 лет учился в частных гимназиях, поражая товарищей и учителей своей начитанностью и интересом не только к художественной литературе, но и к философским трудам Канта, Лапласа, Дарвина.

He began reading at three. From eleven he studied at private schools, amazing fellow pupils and teachers with his erudition and his interest not only in fiction, but also in the works of Kant, Laplace and Darwin.

Характер и жизненная целеустремленность Брюсова, очевидно, имели глубокие семейные корни. Его дед по отцу обладал немалыми способностями и волей, если сумел из семьи крепостных крестьян выйти в торговое сословие и стать купцом 2-й гильдии.

Briusov's character and firmness of purpose evidently had deep genetic roots. His father's father must have had considerable talent and willpower to rise out of peasant serf family into the trading class and become a merchant of the second guild.

81

всех был Валерий Брюсов. Читателям эти стихи показали верхом бессмыслицы, а их авторы — сумасшедшими, страдающими манией величия. Посыпались десятки рецензий, пародий. Имя «Валерий Брюсов» сделалось чуть ли не нарицательным. Когда же он опубликовал книгу с вызывающим названием «Chefs d'oeuvre» («Шедевры»), шум в печати «учетверился». Его «стихотворение», состоящее из одной строки: «О, закрой свои бледные ноги» — вызывало недоумение или издевательский смех, но зато запоминалось мгновенно.

И тут случилась самая крупная удача в жизни Брюсова: судьба столкнула его с Сергеем Александровичем Поляковым. Это имя мало кому известно, а между тем он был самым просвещенным из московских меценатов. Ровесник Брюсова и тоже сын купца, Поляков был полиглотом, много переводил (это он открыл для русского читателя Кнута Гамсуна), увлекался «новым искусством». Основав модернистское издательство «Скорпион», а потом и журнал «Весы», Поляков поручил возглавить их Валерию Брюсову. Тот сразу взял все дело в свои руки. Робкие притязания владельца на соредакторство он решительно пресек. Сергей Александрович, отличавшийся «деликатной нежностью» («нежный, как мимоза», говорил о нем Бальмонт), стусевался. Брюсов стал править единолично.

anthologies of poetry appeared one after another in the bookshops of Moscow with the high-sounding title *Russian Symbolists*. The verses were signed with a number of different names, but nearly all had been written by Valery Briusov. To the readers these verses seemed the height of nonsense and their authors madmen suffering from delusions of grandeur. Dozens of reviews and parodies appeared. The name “Valery Briusov” almost became a generic term. And when he published a book with the provocative title *Chefs-d'oeuvre*, the clamour in the press quadrupled. His “poem” consisting of the single line “Oh, cover up your pale legs” evoked bewilderment or mocking laughter, yet it immediately stuck in the mind.

It was at this point that the greatest piece of good fortune in Briusov's life occurred: fate brought him together with Sergei Alexandrovich Poliakov. His name is little known, but he was one of the most enlightened art-patrons in Moscow. The same age as Briusov, and also the son of a merchant, Poliakov was a polyglot, who translated a great deal (he introduced Russian readers to Knut Hamsun) and was mad about “modern art.”

От его рассуждений веяло стремлением стереть грань между добром и злом, провозгласить свое «Я» в центре Вселенной. Манера Брюсова держать себя в позе прорицателя на многих производила неприятное впечатление.

Карикатура Сергея Городецкого. 1908 год. His arguments suggested an effort to erase the boundary between good and evil, to place his own ego at the centre of the universe. Briusov's manner of adopting the pose of a prophet made an unpleasant impression on many.

Caricature by Sergei Gorodetsky. 1908.

Брюсов несомненно обладал огромной эрудицией. Его лекции по истории и теории литературного творчества вызывали большой интерес.

Briusov was undoubtedly tremendously erudite. His lectures on the history and theory of literary creation evoked great interest.

Вскоре его уже стали называть вождем русского символизма. Этот почетный титул, с которым он вошел в историю литературы, так прочно прирос к его имени, что удивления не вызывает. А между тем это случай уникальный. Разве кого-нибудь называли, к примеру, вождем романтизма? Или футуризма? Даже «буревестника революции» Максима Горького никто не величал вождем соцреализма.

На рубеже веков, когда русские социал-демократы сначала объединялись, а потом делились на большевиков и меньшевиков, «ходил по Москве с записной своей книжечкой и с карандашиком» скуластый и густобородый брюнет, на вид — не то печенег, не то татарин, «организуя молодых поэтов в литературную партию». Эта картинка, зарисованная Андреем Белым, несколько утрирована, но суть схвачена точно.

Штаб бриусовцев расположился на верхнем этаже гостиницы «Метрополь». Круг ближайших соратников Валерия Яковлевича был узок: Константин Бальмонт, Юргис Балтрушайтис, позже — Андрей Белый. Круг противников — необъятен. Однако Брюсов был мастер по части вербовки сторонников. Даже неглупый человек выносил из общения с ним убеждение, что мэтр всех презирает (и поделом!). Всех — кроме того, с кем разговаривает.

Зинаида Гиппиус в 1918 году записала в своем дневнике: «Не сомневаюсь, что, просиди большевики год (?!), почти вся наша хлипкая, особенно литературная, интеллигенция так или иначе поползет к ним». Брюсов сто процентно оправдал ее пророчество.

In 1918 Zinaida Gippius wrote in her diary: "I don't doubt that if the Bolsheviks last a year (?!), almost all our weak intelligentsia, especially the literary intelligentsia, will one way or another go crawling over to them." Briusov entirely justified her expectations.

«Брюсов — человек абсолютного, совершенно бешеного, честолюбия. Я говорю "честолюбия" лишь потому, что нет другого, более сильного слова для выражения... той напряженной жажды всевеличия и всевластия, которой одержим Брюсов».

Зинаида Гиппиус. «Одержимый. О Брюсове». 1922

"Briusov is a man of absolute, completely rabid ambition. I say 'ambition' only because there is no other, stronger word to express ... that intense thirst for supremacy and omnipo-tence that possesses Briusov."

Zinaida Gippius. Possessed. On Briusov. 1922

Poliakov founded the modernist publishing house *Skorpion* and then the periodical *Vesy* and put Valery Briusov in charge of them.

Soon he was already being called the leader of Russian Symbolism. This honorary title, with which he has gone down in literary history, has become so firmly attached to his name that it does not evoke astonishment. Yet his case is unique. Was anybody known, for example, as the "leader of Romanticism"? Or Futurism? Even Maxim Gorky — the "stormy petrel of the revolution" — was never hailed as "the leader of Socialist Realism."

At the turn of the century, when Russian Social Democrats first united and then divided into Bolsheviks and Mensheviks, a dark-haired man with high cheek-bones and a thick beard, looking like a Pecheneg nomad or perhaps a Tatar, "went about Moscow with his little notebook and tiny pencil... organizing young poets into a literary party." This word picture drawn by Andrei Bely is somewhat exaggerated, yet it captures the essence of the matter.

The headquarters of Briusov's party was on the top floor of the Hotel *Metropole*.

Многие упрекали Брюсова в «диктаторстве». Ему это должно было льстить — ведь еще в юности он сравнивал себя с римским диктатором Суллой, человеком без веры и закона. Вождь символизма ушивался властью — в его руках фактически оказалось монопольное право решать, кому открыть дорогу в литературу, а кому и перекрыть. Брюсов гордился своей ролью первооткрывателя: «Сколько истинных поэтов я первый "представил" читателям!.. Я с "чистым сердцем" не помню ни одной крупной своей ошибки... Я не помню, чтобы я резко отрицательно высказался о поэте, который позднее выказал подлинное дарование».

Память подвела Валерия Яковлевича. Его первый отзыв об Александре Блоке был категоричен: «Он не поэт». Прочитав стихи Осипа Мандельштама, которые переслала ему из Петербурга Зинаида Гиппиус, он ответил ей небрежно и беспелляционно: что до вашего юнца «со способностями», то таких юнцов у меня слишком достаточно в Москве, советую этому не печататься.

Вождь был злопамятен. В 1913 году юная Марина Цветаева на критический отзыв Брюсова о ее книге дерзко ответила: «...поэзия Ваша — из книг / И из зависти — критика». Этого он ей не простил. Когда наступил черный 1919 год, кто-то надоумил Цветаеву отнести рукопись в

The inner circle of his adherents was a small one: Konstantin Balmont and Jurgis Baltrushaitis, later joined by Andrei Bely. The circle of his opponents immense. But Briusov was a past-master at drumming up support. Even people with intelligence came away from a conversation with him convinced that the maestro scorned everyone (and rightly so) — everyone, that is, except the person he was talking to.

Many accused Briusov of behaving like a dictator. That must have flattered him — after all, in his youth he had compared himself to the Roman dictator Sulla, a man without faith or law. The Leader of Symbolism became drunk with power — he held an effective monopoly, allowing him to decide for whom the road into literature would be opened and for whom closed. Briusov took a pride in his role as discoverer: "How many genuine poets have I first 'introduced' to the readers! ... 'In all sincerity' I cannot recall a single major mistake... I do not remember expressing a strongly negative opinion of a poet who went on to display real talent."

Valery Yakovlevich's memory betrayed him. His first comment on Alexander Blok

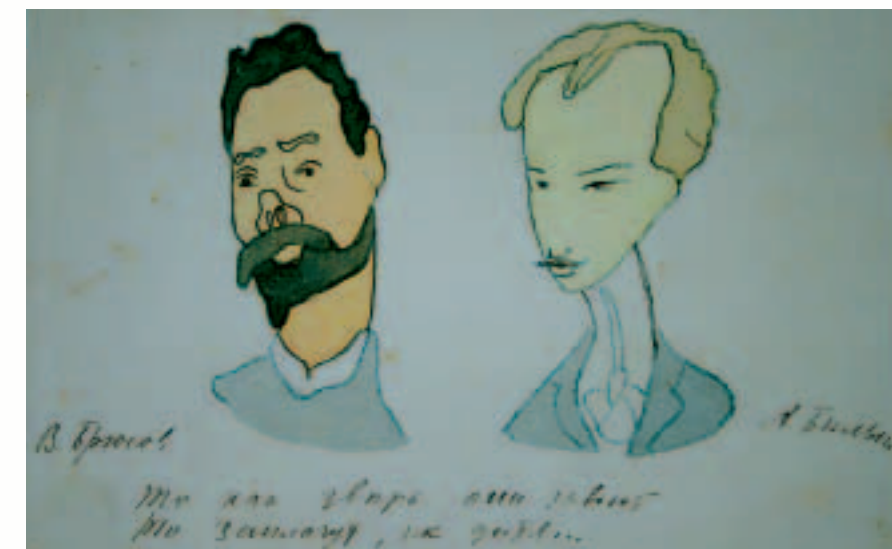

Литературные критики ожесточенно спорили о поэтической величине Константина Бальмонта и Валерия Брюсова. Одно бесспорно — нравственно Бальмонт оказался выше: в 1920 году он эмигрировал из России.

Literary critics argued bitterly over the poetic magnitude of Konstantin Balmont and Valery Briusov. One thing is unarguable — morally Balmont proved the better man: in 1920 he emigrated from Russia.

Не терпевший соперничества Брюсов признавал Бальмонта почти равновеликим себе, о чем свидетельствует дарственная надпись на фотографии.

Briusov, who abhorred rivals, acknowledged Balmont as his near-equal as is shown by the dedication on this photograph.

Для русских символистов были характерны отношения дружбы-вражды. Не избегли этого и ближайшие соратники по творческому цеху Валерий Брюсов и Андрей Белый.

Шарж В. Каррика. 1910-е годы.

Relations of friendly hostility were characteristic of the Russian Symbolists. They affected even the closest of creative comrades Valery Briusov and Andrei Bely.

Caricature by V. Karrick. 1910s.

Литературный отдел Наркомпроса, которым заведовал Брюсов: «Лито ничего не печатает, но все покупает... Все-таки — пять дней хлеба». Год прошел в молчании, наконец, рукопись вернули. Приговор Брюсова был суров: «Стихи М. Цветаевой, как не напечатанные своевременно и не отражающие соответственной современности, бесполезны».

Владислав Ходасевич вспоминал: «В марте 1920 года <...> я принялся хлопотать о переводе моего московского писательского пайка в Петербург. Для этого мне пришлось потратить месяца три невероятных усилий, причем я все время наткнулся на какое-то невидимое, но явственно ощутимое препятствие. Только спустя два года я узнал от Горького, что препятствием была некая бумага. В этой бумаге Брюсов конфиденциально общал, что я — человек неблагонадежный. Примечательно, что даже "по долгу службы" это не входило в его обязанности».

В нем было «величие преодоленной бездарности» — так один из критиков отозвался о Брюсове. Звучит обидно. Но если вдуматься: разве это хула? Легко ли стать поэтом не по выбору небес, а по собственной воле! Брюсов знал секреты ремесла. Он умел делать стихи — продуманные, четкие, классически чеканные. Слишком четкие, чересчур чеканные...

Недаром Андрей Белый говорил, что муза Брюсова — «автомат, движимый паром и электричеством». Да и в нем самом была некая размеренность, «математичность». «Брюсов — человек механический, он на ночь весь разбирается по частям: части кладутся в керосин, а ухо вешается на телефон, — острил Леонид Андреев. — Брюсов холоден, как рассудительный покойник на 20-градусном морозе. Болел ли у него хоть раз живот?»

Мемуаристы непременно рассказывают о его по-наполеоновски скрещенных на груди руках, черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы и плотно стягивающем его худую фигуру. Одним он напоминал манекен, другим — хищного зверя: рысь, пантеру или волка, а Максимилиану Волошину — и вовсе «мумифицированную египетскую кошку». Смеяться он не умел — не умел чисто физически, даже в детстве. «Улыбка не красила, а искажала его лицо, — вспоминал гимназический товарищ Валерия, — а когда его заражала

Вячеслав Иванов. С рисунка Константина Сомова. 1906 год.

Из письма Иванова Брюсову: «И вот ты имеешь в "Весках" твой "большой дом", где ты поместил и свой департамент поэтических дел. У тебя свои чиновники, которые иногда похожи на лакеев».

Vyacheslav Ivanov. From a drawing by Konstantin Somov. 1906.

In a letter to Briusov Ivanov wrote: "And so you have in the Scales your own 'big house,' where you have also installed your own Department of Poetic Affairs. You have your officials, who sometimes resemble lackeys."

Художник Дени (Виктор Денисов) сделал этот карикатурный портрет «вождя русского декаданса» именно в роковом для Надежды Львовской 1913 году. Не в силах стерпеть пренебрежительное отношение Брюсова, она застрелилась из данного им револьвера.

The artist Deni (Victor Denisov) produced this caricature portrait of the "leader of Russian Decadence" in 1913, the fateful year for Nadezhda Lvova. Unable to bear Briusov's scornful attitude, she shot herself with the revolver he provided.

was categorical: "He is no poet." After reading verses by Osip Mandelstam that Zinaida Gippius had sent him from St Petersburg, he wrote back to her carelessly and peremptorily: "as for your young man 'with abilities,' I have more than enough young men like that in Moscow. I advise him not to publish his work."

Vladislav Khodasevich recollected: "In March 1920 ... I set about applying for my Moscow writer's food allowance to be transferred to Petersburg. It cost me three months of incredible efforts, and I kept coming up against some invisible, but clearly tangible obstacle. Only two years later did I find out from Gorky that the obstacle had been some piece of paper. On that paper Briusov had confidentially confided that I was politically suspect. The noteworthy thing is that even 'in the line of duty' that was no part of his responsibilities."

Briusov had "the greatness of lack of talent overcome," as one critic said of him. It sounds insulting. But if you think about it, is it really abuse? Is it easy to become a poet not by the choice of Providence, but by your own will? Briusov knew the secrets of the trade.

He knew how to make verses — thought out, precise, classically wrought. Too precise, too well-wrought... It was not for nothing that Andrei Bely said that Briusov's muse was "an automaton driven by steam and electricity." He was unable to laugh, unable on a purely physical level, even in childhood. "A smile did not adorn, but rather distorted his face," one of Valery's classmates recalled, "and when he was infected by a gale of laughter, he shook his head in torment, baring his teeth."

In many of his poems Briusov extolled insane passion, or rather "the horror of voluptuous pleasure." From the moment he first bought a prostitute on Tsvetnoi Boulevard as a twelve-year-old schoolboy, a

«Брюсову совершенно все равно, о чем писать, для него поэзия — скачки с препятствиями».

Илья Эренбург

"Briusov does not care at all what he writes about. For him poetry is a steeplechase."

Ilya Ehrenburg

В начале XX века соперничать с Брюсовым славой мог лишь один Константин Бальмонт. В 1905 году Бальмонт уезжал в Париж, а оттуда – в Мексику. На его проводах Брюсов, по словам Андрея Белого, «скривясь побледневшим лицом, с нешуточным блеском в глазах», произнес тост: «Пью, чтоб корабль, относящий Бальмонта в Америку, пошел ко дну!»

Здание Высшего литературно-художественного института в Москве. Фотография конца 1920-х годов. Здесь Брюсов читал лекции по истории греческой, римской, русской литературы, преподавал теорию стиха, сравнительную грамматику индоевропейских языков, латынь и даже историю математики.

The building of the Higher Institute of Literature and Art in Moscow. Late 1920s photograph. Here Briusov gave lectures on the history of Greek, Roman and Russian literature, taught the theory of verse, comparative grammar of Indo-European languages, Latin and even the history of mathematics.

Семья Брюсовых «за пирогами праздничными» в родительском доме на Цветном бульваре в Москве. Любительская фотография. 1900-е годы.

The Briusov family around the festive board in his parents' house on Tsvetnoi Boulevard in Moscow. Amateur photograph from the early 1900s.

In the early twentieth century Briusov's only rival for literary glory was Konstantin Balmont. In 1905 Balmont went off to Paris and from there on to Mexico. At his send off, Briusov, according to Andrei Bely, "with a grimace on his bloodless face and a serious gleam in his eyes" pronounced this toast: "I drink that the ship carrying Balmont to America might go to the bottom!"

волна смеха, он мучительно тряс головой, зубы оскальвались».

Во многих своих стихах Брюсов воспевал безумную страсть, точнее – «ужас сладострастья». С тех пор как он двенадцатилетним гимназистом впервые купил проститутку на Цветном бульваре, через его жизнь прошли вереницы женщин:

*О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущих тел!
Вас обретаю я и вами владел!..*

Всех, кем поэт «владел», он педантично, в хронологическом порядке перечислил в списке «Мои прекрасные дамы». Но в его стихах эти «дамы» похожи одна на другую, как две капли воды. Не потому ли, что он ни одной из них не любил? Брюсов сам признавал, что не способен на страстную любовь, и ощущал это как свою ущербность: «В своих стихах я часто говорю от лица раба [страсти]... Но сам я этой сладости – быть рабом – так и не испытал никогда». Любопытство овладевало им, когда случалось подглядывать чужую страсть, увидеть ответ того, что было ему недоступно.

Любопытство повлекло его к жене владельца издательства «Гриф» Нине Петровской, которую он подчеркнуто не замечал, пока не оборвался ее бурный, но короткий роман с Андреем Белым – тот, считавший их любовную связь грехом, «бежал от соблазна». Брюсов стал зво-

procession of women passed through his life.

*Oh, those hands, and breasts, and lips,
The curves of hungry bodies!
I found you and possessed you!*

The poet pedantically recorded all the women he had "possessed" in chronological order in the list "My beautiful ladies." But in his verses these "ladies" are as alike as peas in a pod. Is that not the reason why he never loved any of them? Briusov himself confessed that he was incapable of passionate love and felt this to be a detriment: "In my verse I often speak in the character of a slave [of passion]... But myself I have never once experienced the delights of being a slave." Curiosity seized him when he happened to spy upon the passion of others, to catch a glimpse of what was out of his own reach.

Curiosity drew him to Nina Petrovskaya, the wife of the owner of the *Grif* publishing house, a woman he had pointedly failed to notice until the end of her tempestuous, but brief affair with Andrei Bely (who, regarding their liaison as a sin, "fled from temptation"). Briusov took to telephoning the abandoned mistress, inviting himself to her home, sending baskets of white lilies. And he asked solici-

нить брошенной женщине по телефону, напрашиваться в гости, присылать корзины белых лилий. И расспрашивал, лез в душу:

– Отчего вы такая печальная? Нет, не печальная, – трагическая... У вас есть неизгладимое?

– У меня? Есть!.. – отвечала она.

– А у меня пока нет. Я тоже хотел бы пережить что-то особенное, неизгладимое.

Лето 1905 года они вместе провели на озере Сайма в Финляндии. «То была вершина моей жизни, ее высший пик», – признавал Брюсов. Кажется, он сам поверил, что наконец-то испытал «Любовь, единую, беспредельную, навеки». «Буду писать к Тебе, много, без конца, – обещает он возлюбленной. – Буду писать и Твой роман с сегодняшнего дня. Он должен быть эпохой в литературе».

В 1907 году «Весы» начали печатать роман Брюсова «Огненный ангел». Хотя его действие происходит в средневековой Германии, у читателей не возникало сомнений, с кого списаны герои. «Автор рассказа – Брюсов, – констатировал Андрей Белый. – Граф Генрих – лучшая часть меня... Рената – полная копия с Нины Ивановны Петровской». Роман был дописан, героиню инквизиторы сожгли на костре, а «Рената» все никак не могла смириться с тем, что сюжет исчерпан, грозила самоубийством, даже пыталась застрелить

itous questions, worming his way into her heart:

"Why are you so sad? No, not sad – tragic... Do you have something you cannot forget?"

"Yes, I do," she would reply.

"I don't, not yet. I would like to experience something special too, something unforgettable."

They spent the summer of 1905 together on Lake Saimaa in Finland. "That was the summit of my life, its highest peak," Briusov confessed. It seems that he himself believed that he had at last experienced "that one love, boundless for ever." "I shall write to you, much, without end," he promised his mistress. "I will also write your novel starting today. It should be an epoch in literature."

In 1907 *Vesy* began publishing Briusov's novel *The Fiery Angel*. Although it is set in medieval Germany, the readers were in no doubt on whom the characters were based. "The author of the tale is Briusov," Andrei Bely stated. "Count Heinrich is the better part of me... Renata is a complete copy of Nina Ivanovna Petrovskaya." The novel was completed, the heroine burnt at the stake by the Inquisition, but "Renata" could not rec-

любownika, но револьвер дал осечку. Тогда она испробовала морфий и пристрастилась к нему Брюсова. Наконец осенью 1911 года она решила уехать за границу. С Брюсовым они больше не виделись...

«Правда о смерти Н. Г. Львовой (Моя исповедь). Обнародование разрешаю только после моей смерти», — так 5 декабря 1913 года Брюсов начал свой рассказ об обстоятельствах, приведших к гибели поэтессы. Они познакомились в 1911 году, когда двадцатилетняя провинциалка принесла свои стихи на суд мэтру. По словам Ходасевича, Львова была не хороша, но и не вовсе дурна собой — простая, душевная, застенчивая девушка. «Ее стихи заинтересовали меня... — пишет Брюсов. — Я поправлял их, давал ей советы... Незаметно знакомство перешло во "флирт". Мы бывали вместе в театрах, концертах, ресторанах. Я говорил Н., что она нравится мне, целовал ее руки... Может быть, я говорил излишне вольно, но все оставалось в пределах шутки и "игры"».

«К весне 1912 года, — продолжает он свою "Исповедь", — я заметил, что увлекаюсь серьезно и что чувства ко мне Н. также серьезнее, чем я ожидал. Тогда я постарался прервать наши отношения». Девушка попыталась отравиться. «После этого, — пишет Брюсов, — у меня не осталось сил бороться, и я уступил...» Но вскоре, по его словам, Львова стала тре-

бовать, чтобы он бросил жену. «С первого раза я отказал... Мне казалось нечестно бросить женщину (мою жену), с которой я прожил 17 лет... Осенью 1913 года она возобновила свои настояния. Я, чувствуя безвыходность, обратился к морфию. Н., не видя исхода, нашла его в смерти».

Из предсмертного письма Надежды Львовой: «Я хочу быть с тобой. Как хочешь, "знакомой, другом, любовницей, слугой", — какие страшные слова ты нашел. Люблю тебя, и кем хочешь — тем и буду... В последний раз умоляю: если успеешь, приходи...» Он пришел, когда она уже была мертва.

В ту же ночь Брюсов бежал в Петербург и оттуда написал жене: «Я очень подавлен случившимся. Полагаю, что Ты понимаешь мое состояние. Отчасти ведь и на Тебе лежит ответственность. Не будь Тебя, не было бы и этого. Ты не виновата, никто не станет спорить, но Ты — среди причин, это бесспорно... "Валерий Брюсов", тот, что был 40 лет, умер...»

Но он быстро «воскрес», написал цикл стихов, посвященных Наде, и спустя каких-нибудь полтора месяца после ее смерти прочел их на обеде, где собралась вся литературная Москва.

Брату Нади, который считал Брюсова виновником ее смерти, он напишет: «Среди всех лиц, окружавших Н. Г., я,

Семейство Брюсовых на даче. Любительская фотография. 1900-е годы.

The Briusovs at their dacha. Amateur photograph from the early 1900s.

наверное, больше всех заботился о ее судьбе. Я делал все, чтобы ее жизнь складывалась для нее хорошо. В ущерб всем своим делам и занятиям я посвящал Н. Г. едва ли не половину своего времени. Но, очевидно, всего этого ей было мало. Очевидно, ей нужно было еще что-то, что мы ей дать не могли или не сумели. В этом смысле и я, и Вы, и все мы должны считать себя "морально виновными"».

В начале XX века тридцатилетний Валерий Брюсов писал:

*Вперед, мечта, мой верный вол!
Неволей, если не охотой!
Я близ тебя, мой кнут тяжел,
Я сам тружусь, и ты работай!*

Годы шли, и «верный вол» все чаще оказывался шагать вперед, да и погонщику все труднее было его понукать. Критики все чаще стали упрекать Брюсова в повторах, перепевах самого себя. Но его литературная репутация была еще прочна. Он стал почти что классиком. Пришло время написать и свой «Памятник»:

*Мой памятник стоит,
из строф созвучных сложен.
Кричите, буйствуйте, —
его вам не свалить!*

Но никто не кричал и не буйствовал. Брюсовым попросту перестали интересоваться.

После октября 1917-го он вначале растерялся, но когда понял, что большевики —

oncile herself to the idea that the plot was exhausted. She threatened suicide, even tried to shoot her lover, but the revolver misfired. Then she tried morphine and gave Briusov a predilection for it too. Finally, in the autumn of 1911, she decided to go abroad. She and Briusov never met again...

“The Truth about the Death of N.G. Lvova (My Confession). I allow publication only after my death” — that is how on 5 December 1913 Briusov began his account of the circumstances leading to the poetess’s death. They had become acquainted in 1911 when the twenty-year-old provincial girl brought her verses for the maestro’s judgement.

“By the spring of 1912,” he continues his confession, “I noticed that I was seriously falling for her and that N’s feelings for me were more serious than I expected. At that point I tried to break off our relations.” The girl tried to poison herself. “After that,” Briusov writes, “I no longer had the strength to fight and I gave in...” Soon, however, according to him, Lvova started demanding that he leave his wife. “From the first I

refused... It seemed to me dishonest to abandon the woman (my wife) with whom I had lived 17 years... In the autumn of 1913 she renewed her demands. Sensing the hopelessness of the situation, I resorted to morphine. N, seeing no way out, found it in death.”

From Nadezhda Lvova’s suicide note: “I want to be with you. However you want, ‘acquaintance, friend, lover, servant’— what dreadful words you found. I love you and I shall be whatever you want... For the last time I beg you: if you have time, come...” He came, when she was already dead.

That same night Briusov fled to St Petersburg and from there he wrote to his wife. “I am very downcast over what happened. I suppose you will understand the state I am in. After all, the responsibility lies partly with you. If you did not exist, this would not have occurred. You are not guilty, no-one would argue that, but you are unarguably among the reasons... The Valery Briusov that existed for forty years has died...”

But he very quickly came back to live, wrote a cycle of poems dedicated to Nadezhda, and about a month and a half after her

Валерий Брюсов возглавлял Всероссийский союз поэтов. На собрании, посвященном пятилетию этого союза, говорил: «Писание стихов является одним из производств, по существу, таким же, как производство машин, мануфактуры, керамики и т. д.»

Valery Briusov became head of the All-Russian Union of Poets. At the meeting to mark the fifth anniversary of the union he said: “The writing of verse is one of the manufacturing industries, essentially the same as car-making, factories, ceramics and so on.”

«При сумасшедше честолюбивой жажде женского успеха, при утонченной погоне за женщинами... любил он, по-человечески, сколько мог, одну вот эту незаметную женщину — свою жену», — утверждала Зинаида Гиппиус.

“For all his crazy ambitious thirst for success with women, for all his sophisticated pursuit of women... he loved in a human way, in as far as he could, only this one inconspicuous female — his wife,” Zinaida Gippius asserted.

death he read them at a dinner attended by the whole of Moscow literary society.

To Nadezhda’s brother, who held him responsible for her death, Briusov wrote, “Of all the people surrounding N. G. I probably most concerned myself with her fate. I did all I could to ensure that life turned out well for her. To the detriment of all my affairs and occupations, I devoted almost half my time to N. G. But evidently all that was too little for her. Evidently she needed something more that we were unable to give or did not manage to give. In that sense, I, and you, and all of us should hold ourselves ‘morally responsible’.”

At the beginning of the twentieth century the thirty-year-old Valery Briusov had written:

*Forward, dream, my trusty ox!
Willing or unwilling!
I am nearby, my whip is heavy,
I labour myself, don’t you be slacking!*

The years went by and his “trusty ox” ever more frequently refused to trudge forward, and the driver found it ever harder to urge him on. The critics increasingly charged Briusov with repetition, with rehashing his own work. But his literary reputation was

это всерьез и надолго, поспешил заявить о своей лояльности. В 1919-м вступил в партию и объяснил в скучной брошюрке: «Почему я стал коммунистом». Он преподавал в Поэтическом техникуме (был такой в 1921 году) и в Институте литературы — учил молодых, как делать стихи.

Он служил в Наркомате просвещения и Главном управлении профессионального образования. Как член Моссовета участвовал в «чистке» преподавательского состава университета и потом писал в отчете: «Эта чистка... была проведена очень твердо. Ряд профессоров, пользующихся громким именем, был отстранен от преподавания в Университете ввиду их общественно-политических взглядов». Но для большевиков Брюсов все равно оставался чужим. Стихи его не годились для прямой агитации. Куда ему было до Демьяна Бедного! Хотя он старался:

*Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серб и Молот!*

.....
*В единый спол, серп, нас вложи,
В единый цоколь скупй нас, молот!*

Он все больше подхлестывал себя наркотиками, все чаще хворал. Осенью 1921 года Евгений Шварц записал в дневнике: «Выступал с речью об имажинистах Брюсов... Как он стар! Взгляд особенно тусклый, даже оловянный. Вся значительность, словно штукатурка, обвалилась со

всего его существа...» Вождь символизма еще успел в декабре 1923 года отметить свой 50-летний юбилей, успел он и откликнуться стихами на смерть «вождя мирового пролетариата», но пережил его ненадолго — умер 9 октября 1924 года.

Как-то раз, в начале их знакомства, Надя Львова осмелилась сказать Брюсову о том, что какие-то его стихи ей не нравятся. В ответ мэтр оскалился своей ласково-злой улыбкой: «А вот их будут учить наизусть в гимназиях, а таких девочек, как вы, будут наказывать, если плохо выучат». Это его пророчество не сбылось. ■

Кабинет Валерия Брюсова в квартире, где завершилась бурная жизнь «вождя русского символизма», ставшего советским чиновником.

Valery Briusov's study in the apartment where the tempestuous life of the "Leader of Russian Symbolism" and later Soviet official came to an end.

still firm. He had become almost a classic. The time had come to write his answer to Pushkin's *Monument*:

*My monument stands,
composed of harmonious verses.
Shout and rampage all you like;
you will not bring it down!*

But no-one was shouting and rampaging. People had simply lost interest in Briusov.

After October 1917 he at first did not know what to do, but when he grasped that the Bolsheviks were serious and here to stay, he made haste to declare his loyalty. In 1919 he joined the party, explaining in a tedious brochure *Why I became a Communist*. He taught at the Poetic Technical College (there was such a thing in 1921) and at the Institute of Literature — instructing young people in versifying.

He served in the People's Commissariat for Education and the Main Administration of Professional Education. As a member of the Moscow city soviet he took part in the purge of teaching staff at the university and later wrote in the report: "This purge ... was carried out very resolutely. A number of professors with famous names were debarred from teaching at the University in view of

their social and political views." Yet for the Bolsheviks Briusov never became one of their own. His verses were of no use for direct propaganda.

More and more he resorted to narcotics to keep himself going and his health failed with increasing frequency. In autumn 1921 Yevgeny Shvarts wrote in his diary: "Briusov gave a speech about the Imagists... How he has aged! His eyes are especially dull, even leaden. All the consequence had crumbled from his entire figure like plaster from a building..." The Leader of Symbolism lasted long enough to celebrate his fiftieth birthday in December 1923, long enough, too, to respond in verse to the death of the "Leader of the World Proletariat," but he did not outlive him by much, dying on 9 October 1924.

Once, at the beginning of their relationship, Nadezhda Lvova dared to tell Briusov that she did not like some of his poems. In response the maestro presented his sardonic smile: "School pupils will have to learn them by heart, and girls like you will be punished for not knowing them properly." That prophecy has not come true. ■